

А Р Т И Л Е Р І Й С К І Я З А М Ъ Т К И .

(Окончаніе) ¹⁾.

4.

«Существуетъ много родовъ невѣжества», говоритъ Вольтеръ, — «худшее изъ всѣхъ—невѣжество критиковъ. Какъ извѣстно, они обязаны вдвойнѣ быть правыми, какъ люди, утверждающіе, и какъ люди, осуждающіе. Слѣдовательно, они вдвойнѣ виновны, когда ошибаются». Но помимо просвѣщеннаго взгляда на вещи со стороны военачальника, обязаннаго развивать контроль надъ дѣятельностью своихъ подчиненныхъ и подвергать ее критикѣ, отъ него требуется способность вѣрно наблюдать дѣйствительность. Въ данномъ случаѣ наблюдать значитъ идеализировать, значитъ искать въ томъ, что есть, того, что должно бы было быть, значитъ создавать идеалъ и соотвѣтствующій ему критерій и измѣрять имъ дѣйствительность. Это понятно. Вѣрно цѣнить дѣйствительность можно только руководствуясь понятіемъ о томъ, чѣмъ она должна быть съ точки зрѣнія наиболнѣйшаго удовлетворенія интересамъ дѣла. Выражаясь вульгарно, но болѣе образно, можно сказать, что въ зависимости отъ того, какъ смотрѣть на вещи: во всѣ глаза или сквозь пальцы, приходится обнаруживать или очень много дурного, или очень много хорошаго.

Умѣнье критиковать въ сущности есть синонимъ умѣнья размышлять, а потому прежде всего критикъ долженъ обладать способностью размышлять и долженъ располагать обильнымъ запа-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1901 г., № 6

сомъ знанія, т. е. обильнымъ запасомъ матеріала для мысли. «Мысль», говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ французскихъ ученыхъ Рикарду, «по существу своему, какъ то указываетъ слово «pensage», заключается въ актѣ, посредствомъ котораго мы взвѣшиваемъ то, что есть, сравнивая его съ тѣмъ, что должно быть. Мыслить, что мнѣніе ложно, или картина плоха, или дѣяніе нечестно—это оцѣнить ихъ, объявляя ихъ противоположными тому, что въ данномъ случаѣ было бы найдено истиннымъ, красивымъ или хорошимъ. Когда мы мыслимъ, мы отвлекаемся отъ воспринятой дѣйствительности и въ прозрѣваемомъ будущемъ видимъ украшенное отраженіе ея настоящаго момента, мы создаемъ высшій и болѣе совершенный типъ даннаго факта, и при помощи этой идеальной формы, измѣряемъ самый фактъ и оцѣняемъ его. Понятіе о лучшемъ необходимо при каждой калификаціи».

Для успѣха военнаго дѣла критика имѣетъ громадное значеніе. Она не только учитъ различать хорошее и плохое въ томъ, что уже сдѣлано, но заставляетъ людей желать дѣлать хорошо и избѣгать плохого исполненія. Только благодаря мотивированной критикѣ, соревнованіе можетъ обуславливаться не эгоистическими претензіями на вознагражденіе, но дѣйствительнымъ правомъ на него, основаннымъ на истинныхъ достоинствахъ и заслугахъ. Когда каждому «воздается по дѣламъ его», не можетъ уже существовать стремленія всѣми правдами и неправдами добиться незаслуженнаго отличія и награды. Критика заставляетъ каждого уйти въ границы своихъ истинныхъ достоинствъ, своего знанія и умѣнья, и претендовать лишь на то, чего онъ дѣйствительно заслужилъ своимъ трудомъ, какъ непосредственнымъ выразителемъ его личныхъ способностей и талантовъ. Критика даетъ почву справедливости, а справедливость оцѣнки—почву совершенству. При отсутствіи строгой критики истинныя достоинства остаются не обнаруженными и какъ бы не существующими. Претензіи бездарности, лѣни и посредственности подобно сорнымъ травамъ заглушаютъ истинныя заслуги, и тогда вмѣсто того, чтобы «дѣлать дѣло», всѣ стремятся дѣлать карьеру, стараясь лишь казаться достойными преслѣдуемаго ими отличія.

Имѣя въ виду указанное значеніе критики въ военномъ дѣлѣ, надо пожалѣть объ ея отсутствіи или недостаточномъ развитіи, вопреки большинству въ средѣ военныхъ дѣятелей. Объ устраненіи критики одинаково заботятся какъ исполнители, дѣйствія которыхъ подлежатъ критикѣ, такъ и руководители, обязанные под-

вергать критическому анализу исполненіе своихъ подчиненныхъ. Критика можетъ быть сравнена со свѣтомъ. Она освѣщаетъ, т. е. обнаруживаетъ хорошее и плохое. Критика не выгодна для тѣхъ, которые плохо дѣлаютъ, которые не обладаютъ ни знаніемъ, ни умѣньемъ. Она не выгодна для большинства исполнителей, для большинства подчиненныхъ. Это съ одной стороны, но есть и другая сторона. Критика—дѣло не легкое, предательское, и не всякій способенъ брать ее на себя; ибо только тотъ, кто много знаетъ и многое умѣетъ, въ состояніи смотрѣть на вещи съ точки зрѣнія «лучшаго» и можетъ говорить о ихъ совершенствахъ и несовершенствахъ. Но если по отношенію къ вѣрной критической оцѣнкѣ извѣстной вещи и можно еще ограничиваться понятіемъ о «возможномъ лучшемъ», то надо признать, что это понятіе способно принимать ясную и отчетливую форму лишь въ умѣ человѣка, владеющаго правильнымъ критеріемъ. «Геній», по словамъ Наполеона I, «состоитъ въ умѣннѣ отличать трудное отъ невозможнаго». Извѣстная доля этого умѣнья должна ложиться въ основу всякой критики, ибо мало требовать лучшаго, надо требовать его въ мѣрѣ возможнаго.

Такъ какъ большинство начальниковъ и руководителей обладаетъ умственнымъ богатствомъ лишь настолько, насколько нужно, чтобы скрыть его недостатокъ отъ постороннихъ свидѣтелей, то оно весьма осторожно уклоняется отъ критики, что, конечно, только повышаетъ его популярность. И дѣйствительно, популярность начальника въ средѣ подчиненныхъ можетъ быть легко приобрѣтена по рецепту англійскаго поэта Попа, который утверждалъ, что многочисленностью своихъ друзей онъ былъ обязанъ двумъ аксіомамъ: *все возможно; все правы*. Безъ сомнѣнія—это тоже въ своемъ родѣ критерій и на немъ можетъ быть основана самая безобидная критика, примиряющая руководящую и руководимую бездарность.

То, что я сказалъ о значеніи внѣшней, такъ сказать, центробѣжной критики въ военномъ дѣлѣ, т. е. критики, направляемой на чужую дѣятельность, еще съ бѣльшею силою можетъ быть приимѣнено къ внутренней, центростремительной критикѣ, направляемой на свой собственный образъ дѣйствія. Трудно сказать, что здѣсь можетъ больше вредить дѣлу—чрезмѣрная ли самонадѣянность, или излишнее недовѣріе къ своимъ силамъ. Самомнѣніе, слишкомъ высокомѣрное по отношенію къ своей базѣ—знанію, умѣнью и опытности—всегда очень неустойчиво въ минуты опас-

ности; тутъ обыкновенно оно кончается тѣмъ, чѣмъ начинается неуверенность въ своихъ силахъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ единственный способъ придти на помощь боевымъ дѣятелямъ—это заблаговременно расширить ихъ умственную базу, расширить ихъ знаніе, умѣніе и опытность. Необходимо выработать въ нихъ вѣрный критерій и обогатить ихъ память обиліемъ критическаго матеріала. Память въ серьезномъ случаѣ подскажетъ имъ, что нужно предпринять, подскажетъ въ силу психологическаго закона ассоціаціи идей. И дѣйствительно, изобрѣтательность и находчивость суть не что иное, какъ извѣстныя формы самовнушенія, всецѣло подчиняющагося этому закону.

5.

Быть можетъ многіе найдутъ мои слова анахронизмомъ. Кто же теперь сомнѣвается въ пользѣ знанія и умѣнія? Изрѣченіе Петра Великаго: «наука въ Россіи не въ авантажѣ обрѣтается», не имѣетъ уже больше никакого объекта, никакого фактическаго оправданія. Напротивъ того, не слишкомъ ли далеко зашла у насъ погоня за знаніемъ? Не характерно ли въ этомъ отношеніи восклицаніе, вырвавшееся, какъ рассказываютъ, у Александра Гумбольдта подъ впечатлѣніемъ просмотра программы одного изъ нашихъ учебныхъ заведеній: «О, если бы я зналъ половину всего этого, то имѣлъ бы право считать себя ученѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ!» Если вѣрить хроникѣ, то этотъ фактъ совершился много лѣтъ тому назадъ, а съ той поры программы нашихъ учебныхъ заведеній увеличились въ своемъ объемѣ, по малой мѣрѣ, въ десять разъ...

Безспорно для пріобрѣтенія знанія на школьной скамьѣ у насъ дѣлается много, но для овладѣнія имъ дѣлается слишкомъ мало. Вслѣдствіе этого есть нѣкоторое основаніе сказать, что между способомъ, какимъ знаетъ большинство интеллигентныхъ дѣятелей свой предметъ и способомъ, какимъ надо его знать, существуетъ такая же разница, «какъ между первобытнымъ хаосомъ и міромъ въ послѣдній день его творенія». Таковъ фактъ, подтверждаемый безпристрастнымъ наблюденіемъ и легко объяснимый тѣмъ, что одного запаса мертваго знанія недостаточно для того, чтобы дѣлать дѣло, и что лишь истинно образованный человѣкъ въ состояніи цѣлесообразно пользоваться своимъ знаніемъ въ его при-

ложеніи, которое одно только и въ состояніи вводить это знаніе въ жизнь, давая ему право на существованіе.

Я далекъ отъ мысли утверждать, что въ современную тактическую эпоху, военные дѣятели, а въ особенности дѣятели специальныхъ родовъ оружія, не нуждались бы въ громадномъ запасѣ научныхъ свѣдѣній. Напротивъ того, я склоненъ считать предѣлы знанія, необходимаго не только для артиллериста въ частности, но и для всякаго офицера вообще, гораздо шире тѣхъ, въ которые оно заключено въ соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеніяхъ низшаго и высшаго порядка. вмѣстѣ съ этимъ я не признаю возможнымъ на школьной скамьѣ исчерпать всю науку, необходимую офицеру при его восхожденіи по іерархической лѣстницѣ предназначенной ему служебной дѣятельности. По моему мнѣнію именно тутъ русская поговорка: «вѣкъ живи—вѣкъ учишься», получаетъ все свое значеніе и не въ смыслѣ пассивнаго, а въ смыслѣ активнаго пріобрѣтенія знанія: офицеръ долженъ обогащать свой умъ не только тѣми познаніями, на которыя его наталкиваетъ случай, но онъ долженъ идти на встрѣчу знанію путемъ возможно глубокаго изученія своей професіи, постоянно совершенствуясь въ области соотвѣтствующихъ ей науки и искусства.

Та обстановка военно-учебнаго дѣла, которая существуетъ теперь у насъ, приноровлена къ условіямъ, давно уже отжившимъ свой вѣкъ. Она была вполне рациональна и вполне удовлетворительно рѣшала свою задачу, когда военная наука и искусство были несравненно бѣднѣе, а главное, когда въ своемъ приложеніи они проявлялись болѣе или менѣе прямолинейно. Тогда для большинства офицеровъ «привычка могла еще замѣнять разумъ», избавляя ихъ отъ непосильной для нихъ работы размышленія. Вышеприведенная Фридриховская характеристика офицера можетъ служить иллюстраціей для всей эпохи гладкостѣнной системы огнестрѣльнаго оружія.

Въ доброе старое время программы, поразившія Александра Гумбольдта, выполнялись въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ съ грѣхомъ пополамъ и тѣмъ не менѣе запаса знанія, выносиваго изъ ихъ стѣнъ офицерами, съ лихвою хватало на всю ихъ службу, на всю ихъ жизнь. Переступая за порогъ своего корпуса или училища, офицеръ кончалъ всѣ свои счеты съ книгамп, какъ съ главнѣйшими вспомогательными средствами науки, и, въ теченіе всего прохожденія своей службы, довольствовался лишь одною книгою—печатнымъ уставомъ, да и то имѣлъ больше столк-

новений съ его буквой, чѣмъ съ его духомъ. Условія стали мѣняться и требованія къ научной подготовкѣ офицеровъ начали обостряться. Все это дало толчокъ къ еще большому расширенію программъ, потому что школа оставалась вѣрна своему прежнему направленію и продолжала стремиться снабжать своихъ учениковъ всѣмъ необходимымъ багажемъ знанія на весь долгій путь ихъ служебной карьеры, плохо вѣря въ склонность большинства изъ нихъ когда-либо снова раскрыть книгу. Результаты получились самые плачевные. Въ такомъ объемѣ наука не пришлась по силамъ большинству и приобретаемое знаніе едва доносится имъ теперь до экзаменаторскаго стола: большинство учениковъ школы, переступая за ея порогъ, не владѣетъ своимъ знаніемъ.

Преувеличеніе, скажутъ мнѣ. Но вѣдь правда всегда кажется преувеличеніемъ тому, кто не привыкъ ее слышать. Однако, тутъ есть обвиненіе по адресу школы, а обвиненіе требуетъ доказательствъ. Единственное убѣдительное доказательство сказаннаго мною даетъ самый фактъ, а фактъ—какъ справедливо замѣчаютъ французы — нахаль и приводитъ его въ свидѣтели не всегда удобно, а въ данномъ случаѣ и нѣтъ никакой надобности, ибо прямое и грубое его показаніе я имѣю въ виду обойти путемъ нѣкоторыхъ косвенныхъ уликъ.

Однако, самый вопросъ мнѣ могутъ поставить такъ: Предположимъ, что фактъ — фактъ, а не фантомъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы отвѣтственность за него падала на школу. Школа рѣшила свою задачу; она снабдила своего ученика, выпуская его на дѣйствительную службу, всѣмъ нужнымъ для него запасомъ знанія; дальнѣйшее укрѣпленіе и расширеніе этого знанія есть уже дѣло самой службы, самой жизни. Съ этой точки зрѣнія защитники современной школы правы и въ указанномъ отношеніи она дѣйствительно дѣлаетъ все, что возможно. Мало того. Она дѣлаетъ не только все возможное, но еще и чрезмѣрно много лишняго. Къ этому упреку можно присоединить еще другой, и на этотъ разъ совсѣмъ уже подавляющій. Въ упрекъ ей можно поставить, что она не внушаетъ своимъ ученикамъ ни любви къ умственному труду, ни воли преодолѣть свою умственную лѣнь, ни умѣнія приобретать знанія и овладѣть ими. Однимъ словомъ, вина школы въ томъ, что она учитъ, учитъ безъ конца и передышки, но не образуетъ настоящихъ дѣятелей и не воспитываетъ ихъ воли. Между тѣмъ не количество, а качество знанія и умѣнія дѣлаютъ человѣка образованнымъ; потому что образованіе заключается въ

извѣстной организаціи и координаціи разума и воли: природа науки уже такова, что если въ этомъ отношеніи она не приноситъ пользы, то приноситъ вредъ. Вотъ въ чемъ отвѣтственность за недостатокъ развитія знанія и умѣнія въ средѣ военныхъ дѣятелей падаетъ собственно на школу. Но если основная причина этого недостатка въ школѣ, то масса второстепенныхъ, хотя и не менѣе дѣйствительныхъ причинъ, заключается въ условіяхъ прохожденія офицеромъ своей служебной карьеры.

Въ этихъ условіяхъ, къ великому сожалѣнію, офицеръ не находитъ достаточно сильныхъ побужденій къ самообразованію, къ накопленію въ себѣ знанія и къ обращенію его въ свою потенциальную энергію. Серьезная книга становится для него лишнею обузою и лишь усыпляющимъ собесѣдникомъ. Но вѣдь и книга сама по себѣ не въ состояніи помочь дѣлу. «Изъ книгъ» — замѣчаетъ Бэконъ — «научаются всему, за исключеніемъ умѣнья пользоваться ими». А между тѣмъ въ этомъ умѣннѣ вся суть, ему можетъ и должна научить школа и научить прежде всего и основательно. И дѣйствительно, книга въ состояніи принести пользу только тогда, когда она доставляетъ матеріалъ для мышленія. Выполненіе такого требованія не столько въ самой книгѣ, сколько въ ея читателѣ. Для большинства людей книги раздѣляются на два разряда; «книги, которыя читаются, но не уважаются, и книги, которыя уважаются, но не читаются». Если подмѣченное отношеніе къ книгѣ допускаетъ обобщеніе, то своимъ происхожденіемъ оно обязано отсутствію «умѣнія читать». Значеніе такого пробѣла въ рѣшеніи задачъ школы едва ли приходится подчеркивать, потому что умѣлое пользованіе хорошею книгою не только обогащаетъ знаніе, но пріучаетъ къ размышленію. По всей вѣроятности, каждый имѣлъ случай замѣчать, что чтеніе извѣстныхъ книгъ вызвало въ немъ новыя идеи, которыя не находились ни въ книгѣ, ни въ памяти, но какъ бы пораждались синтезомъ элементовъ, вытекающихъ изъ этихъ обоихъ источниковъ. Вотъ, между прочимъ, причина, почему часто различныя лица изъ одной и той же книги вычитываютъ не одно и то же.

6.

Когда въ какой-либо моментъ та или другая профессія достигаетъ извѣстной степени совершенства, то это еще не значитъ, что въ то же время всѣ принадлежащія къ ея корпораціи

дѣятели достигаютъ соотвѣтствующей степени совершенства въ исполненіи своего дѣла. Всегда найдутся отсталые. Въ моменты крупныхъ усовершенствованій, обусловливаемыхъ новыми изобрѣтеніями въ области военного искусства, въ средѣ армій отсталые являлись въ массахъ. Но если прежде это явленіе повторялось спорадически, то теперь оно приняло длительный, такъ сказать хроническій, затяжной характеръ. Я только-что указалъ на его причины въ наше время при той необыкновенной подвижности, которая охватила современный намъ идейный міръ. Само собою разумѣется, такой порядокъ вещей долженъ считаться общимъ для всѣхъ армій, но кое-гдѣ его начинаютъ уже парализовать искусственно принимаемыми къ тому особыми мѣрами. Правда, эти мѣры не универсальны и не радикальны, тѣмъ не менѣе, онѣ подтверждаютъ существованіе того факта, на который я указалъ мимоходомъ, не рѣшаясь входить въ подробное его изслѣдованіе и строить на его нелестномъ свидѣтельствѣ какія-либо прямыя подтвержденія высказаннаго мною мнѣнія о нѣкоторой несостоятельности теперешней школы въ дѣлѣ образованія офицеровъ.

Я имѣю въ виду германскую артилерійскую школу стрѣльбы. Расширеніе этой школы въ послѣднее время, наряду съ другими измѣненіями въ порядкѣ подготовки артилерійскихъ офицеровъ, представляетъ рядъ мѣръ, которыми наши сосѣди, повидимому, рѣшили отвѣтить на требованія времени: *лишь столько знанія, сколько можетъ быть исчерпано умнѣемъ.*

Моментъ появленія рѣзныхъ орудій засталъ прусскихъ артилеристовъ врасплохъ. Онъ засталъ ихъ еще воодушевленными кастовымъ духомъ и пользующимися незаслуженнымъ престижемъ учености въ глазахъ непосвященныхъ. Война 1864 г., а затѣмъ война 1866 г. краснорѣчиво убѣдили прусскихъ артилеристовъ въ недостатокѣ дѣйствительнаго знанія и умнѣнія въ средѣ артилерійскихъ офицеровъ и въ необходимости принять болѣе или менѣе скорыя и дѣйствительныя мѣры къ повышенію спеціальнаго образованія въ этой средѣ. Одна изъ такихъ мѣръ выразилась учрежденіемъ германской артилерійской школы стрѣльбы. За періодъ слишкомъ двадцатипятилѣтняго своего существованія названная школа принесла германской артилеріи громадную пользу. Она явилась не только проводникомъ новыхъ руководящихъ идей въ среду артилеріи, но—что гораздо важнѣе—стала постепенно развивать извѣстный нравственный стимулъ на офицерскіе корпуса

артилерійскихъ частей, значительно содѣйствуя спеціальной инспекціи въ поддержаніи образованія артилерійскихъ офицеровъ на высотѣ совершенствованій, непрерывно происходящихъ въ наукѣ и искусствѣ. И дѣйствительно, въ настоящее время прямое и косвенное вліяніе этой школы на дѣятельность артилерійскихъ офицеровъ даетъ себя чувствовать вполне осязательно; школа заставляетъ офицеровъ постоянно работать надъ самообразованіемъ, а, работая, они втягиваются въ трудъ и изучаютъ свое дѣло настолько основательно, насколько нужно, чтобы удовлетворить его требованіямъ. Каждый офицеръ германской артилеріи знаетъ, что ему предстоитъ въ теченіе своей службы три раза пройти школу: въ чинѣ младшаго поручика, въ чинѣ старшаго поручика—непосредственно передъ полученіемъ батареи—и въ чинѣ штабъ-офицера. Онъ знаетъ, что въ школѣ ему придется выказать свое спеціальное знаніе и умѣніе, дѣйствуя при трудныхъ условіяхъ обстановки, подъ строгимъ контролемъ знатоковъ дѣла, и что тамъ онъ встрѣтитъ властную и неотразимую критику, выражаемую не только словомъ, но и примѣромъ. Офицеръ сознаетъ, что въ школѣ его исполненіе будетъ подлежать сравненію съ образцовымъ исполненіемъ настоящихъ мастеровъ искусства; его самолюбіе поневолѣ возбуждается до крайнихъ предѣловъ и, въ предвидѣніи предстоящаго испытанія, понуждаетъ его постоянно слѣдить за успѣхами своей спеціальности, чтобы въ своемъ искусствѣ не отстать отъ требованій времени и не оказаться въ унижительномъ положеніи невѣжды по отношенію къ своему прямому професіональному дѣлу.

Такимъ образомъ, въ Германіи приходятъ къ сознанію, что та пора, когда военно-учебныя заведенія могли еще считаться способными снабжать своихъ воспитанниковъ запасомъ знанія и умѣнія, хватавшимъ на всю ихъ службу, миновали безвозвратно. По крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣрахъ, которыя проведены тамъ, это сознаніе обнаруживается довольно отчетливо. Но тутъ и нѣтъ ничего удивительнаго. Формы и способы веденія боя стали теперь крайне неустойчивыми, требуя постоянного обновленія и усовершенствованія. Между тѣмъ всякое практическое дѣло само по себѣ стремится придти къ равновѣсію, выражающемуся рутинною. Всѣ дѣятели, ничѣмъ не понуждаемые извнѣ, стремятся дѣлать сегодня только то, что дѣлали вчера, и что рассчитываютъ дѣлать завтра. Новыя поколѣнія офицеровъ, вступая на дѣйствительную службу въ дѣйствующія части, конечно, вносятъ туда послѣднее слово

науки, но для проведенія его въ жизнь у нихъ не хватаетъ надлежащаго умѣнія и опытности, а въ средѣ, въ которую вступаютъ, они не встрѣчаютъ къ тому никакихъ нравственныхъ побужденій. Напротивъ того, тутъ все новое наталкивается на непреодолимые препятствія и не только не поощряется, а угнетается. Ко всему этому, что такое само по себѣ пресловутое «послѣднее слово науки», и что остается отъ него черезъ какихъ-нибудь два-три года?.. Но если даже допустить, что это слово имѣло свою силу и не утратилось еще окончательно, то во всякомъ случаѣ оно уже успѣло устарѣть, требуетъ новыхъ толкованій и новыхъ дополненій. Такимъ образомъ одна изъ задачъ высшихъ руководящихъ инстанцій заключается въ томъ, чтобы заставитьъ всѣхъ офицеровъ постоянно слѣдить за успѣхами того дѣла, служить которому они призваны, и работать надъ своимъ самообразованіемъ. Германская артилерія, какъ я сказалъ, весьма искусно пользуется въ этихъ цѣляхъ своею офицерскою артиллерійскою школою стрѣльбы, постоянно увеличивая ея значеніе и расширяя ея матеріальныя средства. Надо надѣяться, что предстоящее и въ принципѣ уже рѣшенное преобразование нашей артиллерійской школы стрѣльбы создастъ изъ нея не только средство къ пріобрѣтенію артиллерійскими офицерами необходимаго для нихъ знанія и умѣнія, но также и сильный стимулъ къ тому. При этомъ сопоставленіи нельзя упускать изъ вида, что, помимо артиллерійской школы стрѣльбы, въ германской артилеріи есть нѣчто, дѣйствующее непосредственно, систематически и методически, дѣйствующее по линіи наименьшаго сопротивленія, мощно и неуклонно. Это нѣчто— есть инспекція, компетентная и честная. Къ сожалѣнію, она обыкновенно ускользаетъ отъ вниманія постороннихъ наблюдателей, подобно слону въ Крыловской баснѣ «Любопытный».

Въ итогѣ всего мною сказаннаго получается слѣдующій общій выводъ. отождествляя знаніе съ наукою, а умѣніе съ искусствомъ, можно сказать, что теорія есть душа науки, тогда какъ въ искусствѣ на первомъ планѣ стоитъ практическое исполненіе, иначе говоря, достигнутый успѣхъ или результатъ. Между представителями теоріи и практики всегда былъ, есть и будетъ извѣстный антагонизмъ. Причина этого антагонизма, или вѣрнѣе, разъединенія интересовъ не вызывается ни безпомощностью теоріи въ глазахъ практиковъ, ни невѣжествомъ практиковъ въ глазахъ теоретиковъ, а внушается почти безсознательнымъ чувствомъ, кото-

рое испытываютъ люди, имѣющіе притязаніе на одну и ту же вещь — на силу человѣческаго разума. Теоретикъ стремится развить эту силу, тогда какъ практикъ старается наилучшимъ способомъ примѣнить ее къ дѣлу и извлечь изъ нея наибольшую пользу. Такимъ образомъ противорѣчіе, яко бы существующее въ жизни между знаніемъ и умѣніемъ, способно возникать лишь на почвѣ недомыслія, истинное же знаніе всегда уживается съ истиннымъ умѣніемъ, потому что между ними взаимное отрицаніе невозможно, такъ какъ сводится къ самоотрицанію.

Отъ военныхъ дѣятелей требуется высокая степень знанія и умѣнія. Боевая дѣятельность ставитъ дѣйствія каждаго дѣятеля въ непосредственную зависимость отъ наблюденія, или отъ созерцанія, всегда сопровождающагося размышленіемъ. Размышлять не значитъ находить новыя и оригинальныя мысли, но значитъ всякое новое внѣшнее явленіе встрѣчать достаточно обильнымъ запасомъ асоціирующихся мыслей, другими словами, обильнымъ запасомъ знанія. Мысль притягиваетъ мысль и только у тѣхъ людей необходимыя мысли приходятъ кстати, у которыхъ онѣ уже роятся въ памяти. Память и размышленіе въ своемъ взаимодействіи даютъ то, что называется опытностью, и что представляетъ источникъ всѣхъ цѣлесообразныхъ рѣшеній. Безъ памяти никакія умственные операціи невозможны; безъ памяти разумъ — царь безъ царства. При этомъ нельзя забывать, что люди знаютъ лишь столько, сколько могутъ удерживать въ памяти, и что подъемная сила памяти ограничена, а потому бесполезное и лишнее, попадая въ нее, не оставляетъ въ ней достаточно мѣста полезному и необходимому. Въ этомъ отношеніи извѣстная острога французскаго филолога Менажа психологически вѣрна: «я не читаю словарь Морери», говорилъ онъ, «потому что, обладая хорошею памятью, боюсь запомнить всѣ его ошибки». Умѣніе есть знаніе въ дѣйстви и въ своихъ низшихъ формахъ проявленія обращается въ механическія привычки и навыки, въ свою очередь выражающіеся, такъ называемою, мускульною памятью. Дѣло въ томъ, что знаніе устанавливаетъ правила дѣйствія, т. е. законы, связывающіе средства съ цѣлью, по мѣрѣ же приобрѣтенія, путемъ упражненій, привычекъ и навыковъ, эти правила переходятъ въ область безсознательнаго — изъ головного мозга въ нервныя центры низшаго порядка.

Итакъ: безъ знанія, нѣтъ умѣнія, а безъ умѣнія знаніе не можетъ явиться на свѣтъ.

А. Баумгартенъ.